

ПЕРЕПИСКА ТОЛСТОГО С Т. ЭДИСОНОМ

Публикация А. Сергеевко

Толстой и Эдисон! Два величайших имени конца XIX — начала XX в. Представители двух разных миров, двух противоположных культур. Толстой, живший в экономически и технически отсталой земледельческой России, восставал против «ложного направления» цивилизации, капиталистического строя, милитаризма. Эдисон — гений современной цивилизации, сын самой передовой в техническом отношении страны, с наиболее мощным капиталистическим строем. Что общего между ними?

Толстой относился к Эдисону с нескрываемым осуждением. Достаточно вспомнить его письмо к американцу Мансону, впоследствии обратившееся в статью «Патриотизм или мир» (1896), в котором Толстой писал:

«На-днях между Северо-Американскими штатами и Англией произошло столкновение из-за границ Венецуэлы. Сольсбери на что-то не согласился. Клевеленд написал послание в сенат, с обеих сторон раздалось патриотические, воинственные возгласы, на бирже произошла паника, люди потеряли миллионы фунтов и долларов, Эдисон объявил, что он выдумал такие снаряды, которыми можно будет в час убивать больше людей, чем убил Атилла во все свои войны...».

Но неожиданно в последние три года жизни Толстого оба великих человека стали проявлять симпатию друг к другу. Взаимоотношения их сложились следующим образом. 20 мая 1907 г. Ясную Поляну посетил Stephen Bonsal. В дневнике Д. П. Маковицкого имеется по этому поводу следующая запись: «У Льва Николаевича был Stephen Bonsal, редактор-издатель «New York Times». Интервьюировал Льва Николаевича о том, что даст России Дума. Лев Николаевич около часа беседовал с ним в кабинете в свое рабочее время (от 10 до 11) и дал ему только-что полученный английский перевод своей статьи «О значении русской революции». Bonsal на прощание предложил Толстому прислать из Америки фонограф для диктовки. Толстой, будучи противником роскоши и излишних технических усовершенствований, был, повидимому, настолько тронут расположением к себе Bonsal'a, что согласился на его предложение.

Очевидно, еще находясь в России, Bonsal написал об этом в Америку своему другу Arthur Brisbane'y, редактору нескольких ньюйоркских газет. Вскоре Толстой получил от Брисбана извещение, что ему высылается фонограф и что Эдисон, узнав, что этот аппарат предназначен для Толстого, отказывается от всякой платы. Помню, что, живя летом 1907 г. возле Ясной Поляны, я несколько раз присутствовал при разговорах о том, что, вот, вскоре Лев Николаевич получит фонограф, посланный ему Эдисоном в подарок. Все относились к этому, как к значительному событию. Толстой с интересом ждал редкого подарка. Он хотел тотчас же поблагодарить Брисбана за его извещение, но подпись на письме Брисбана была столь неразборчива, что Толстой вынужден был оставить его письмо без ответа.

В письме от 12 сентября 1907 г. Брисбан спрашивал, получил ли Толстой наконец фонограф, на что Толстой отвечал:

«Благодарю за intention [намерение], но не получал и не мог ответить, так как фамилия неразборчива».

Потребность художественного творчества возникала у Толстого по самым разнообразным поводам. В этот раз такой неожиданной причиной явился фонограф. Более

трех лет прошло после того, как Толстой оставил писать свои «Воспоминания детства». Теперь ему захотелось продолжать их, но не иначе, как диктуя в фонограф Эдисона.

Он говорил об этом своему другу П. И. Бирюкову, который спрашивал в письме от 20 декабря 1907 г.: «Приехала ли к вам та американская машина, в которую вы хотели диктовать ваши воспоминания? Как я был бы рад». Толстой проявлял даже нетерпение в ожидании американского подарка; он писал Бирюкову: «Накладная на фонограф получена, но его еще нет» (28 декабря 1907 г.). К тому же времени относится следующая запись д-ра Маковицкого: «Утром Лев Николаевич спросил меня, до какого места доведены его воспоминания в бирюковской биографии. Хочет продолжать их, когда получится фонограф, подаренный ему Эдисоном». Однако, прибытие фонографа так затянулось, что поэтическая потребность Толстого успела иссякнуть, и, когда фонограф был получен, 17 января 1908 г., Толстой уже не стал диктовать воспоминаний.

Фонографом Толстой первое время довольно часто пользовался для диктовки своих многочисленных писем и ряда мелких статей в книгу «Круг чтения». Аппарат очень занимал его и вызывал желание говорить. Дочь Толстого писала, что «фонограф очень облегчает ему труд» (письмо А. Л. Толстой к А. Б. Гольденвейзеру от 9 февраля 1908 г.). В фонограф же было продиктовано начало его знаменитого памфлета «Не могу молчать».

Толстой хотел тотчас же, со свойственным ему чувством благодарности, написать Брисбану и Эдисону. Но произошло недоразумение. Он поручил В. Г. Черткову составить для него текст писем. Возвращая Толстому письма Брисбана и конторы Эдисона «National Phonograph Co», Чертков писал 9 февраля 1908 г.: «Прилагаю при сем письма, на которые вы мне поручили ответить. Я это сделал в точности, сообщив то, что вы мне сказали». Толстой отвечал Черткову: «Я тогда просил вас написать два письма: Брисбану и Эдисону. Но вы меня не поняли: я хотел сам подписать их. Теперь меня тревожит мысль, что Эдисон может быть недоволен, что не получил моего автографа. Будьте так добры, напишите хорошенько ему письмо и пришлите мне, а я подпишу его» (24 февраля 1908 г.).

Не дожидаясь исполнения Чертковым его поручения, он сам 27 февраля 1908 г. написал Брисбану следующее:

Dear Sir,

My friend Mr. V. Tchertkoff has at my request written to you and Mr. Edison but I feel myself obliged to write to you personally asking you to accept my best thanks for your kindness and to transmit the same to Mr. Edison for his present. I have received the phonograph and will always using it, remembering you and Mr. Edison.

Yours truly

Leo Tolstoy

Перевод:

Милостивый государь, мой друг В. Чертков по моей просьбе написал вам и г-ну Эдисону, но считаю своим долгом написать вам и лично, прося принять мою глубокую благодарность за ваше внимание и передать такую же благодарность г-ну Эдисону за его подарок. Я получил фонограф и, пользуясь им, буду всегда вспоминать вас и г-на Эдисона.

Преданный вам
Лев Толстой

Это письмо почему-то не было сообщено Эдисону, и его контора в письме от 29 апреля запрашивала Толстого, получен ли им фонограф. Толстой тотчас же поручил своей дочери составить ответ и подписал его; но текст этого письма в архиве Толстого не сохранился.

Публикуемые ниже письма Толстого и Эдисона были напечатаны в газете «Sovjet Land», 1935, № 5.

1. ЭДИСОН — ТОЛСТОМУ

FROM THE LABORATORY OF THOMAS A. EDISON
CABLE ADDRESS «EDISON, NEW YORK»

Count Leo Tolstoy,
Jasnaya Poliana, Russia

Orange, N. Y. July 22, 1908

My dear Sir,

Can I prevail upon you to make for me one or two phonograph records in English or French, preferably both, of short messages not longer than four minutes in duration, conveying to the people of the world some thought that would tend to their moral and social advancement? My phonographs have now been distributed throughout all of the civilized countries, and in the United States alone upwards of one million are in use. Your fame is world-wide, and I am sure that a message from you would be eagerly received by millions of people who could not help from being impressed with the intimate personality of your own words, which through this medium would be preserved for all time.

Of course the making of these records would be so arranged as to inconvenience you as little as possible, and I doubt if the whole operation would take more than an hour. If you can oblige me in this matter, I will have one or two of my assistants go to your home with the necessary apparatus at any time that you may indicate.

Please accept the assurances of my high personal regard for you and your work, and believe me.

Very truly yours.

Thomas A. Edison

Перевод:

22 июля 1908

Милостивый государь.

Смею ли я просить вас дать нам один или два сеанса для фонографа на французском или английском языке, лучше всего на обоих. Желательно, чтобы вы прочли краткое обращение к народам всего мира, в котором была бы высказана какая-нибудь идея, двигающая человечество вперед в моральном и социальном отношении. Мои фонографы в настоящее время распространены во всех культурных странах, в одних Соединенных Штатах их насчитывается более миллиона. Вы имеете мировую известность, и я уверен, что ваши слова будут выслушаны с жадным вниманием миллионами людей, которые не смогут не подчиниться непосредственному действию сказанных вами самими слов, а благодаря такому посреднику, как фонограф, они сохранятся навеки.

Разумеется, эти сеансы должны быть обставлены с наивозможно меньшим для вас беспокойством. Весь сеанс отнимет не более одного часа. В случае вашего согласия, я пришлю к вам двух моих ассистентов с необходимыми приспособлениями в указанное вами время.

Примите уверение в моем глубоком уважении к вам и вашей деятельности.

Глубоко преданный вам Т. А. Эдисон.

2. ЧЕРТКОВ — ЭДИСОНУ

Address Tchertkoff
Yasenki, Tula Government
Russia

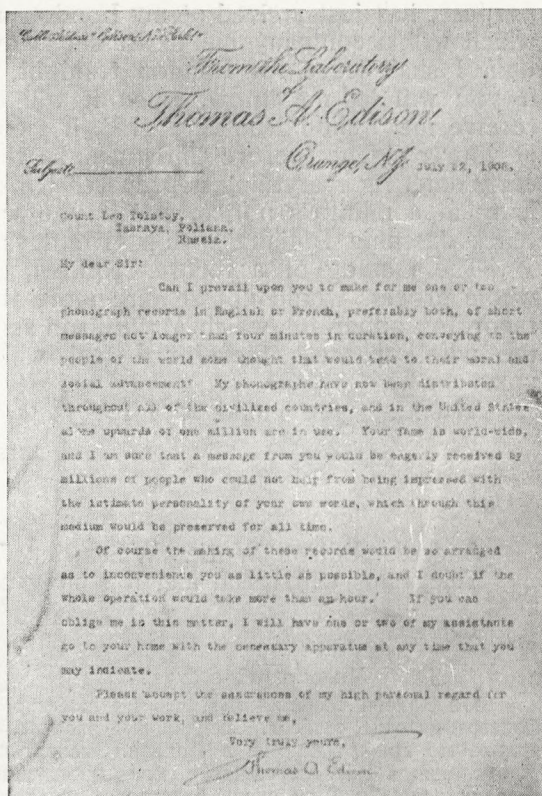
August 17, 1908

Dear Sir,

In answer to your letter of July 22, Leo Tolstoy has requested me to say that he certainly would not feel himself justified in declining to fulfil your request, and that therefore he will be ready to dictate the records whenever your assistants will find it convenient to visit him provided of course that he is sufficiently well at the time.

ПИСЬМО ЭДИСОНА К ТОЛСТОМУ
ОТ 22 ИЮЛЯ 1908 г.

Частное собрание, Москва

Should any preliminary correspondence with your assistants be necessary (for instance in order to avoid your assistants arriving at a time when Leo Tolstoy will be unwell) it would be addressed to Leo Tolstoy himself who will transfer it to me to be attended to.

Yours respectfully
V. Tchertkoff

Перевод:

17 августа 1908

Милостивый государь,

В ответ на ваше письмо от 22 июля, Лев Толстой просил меня передать вам, что считает себя не вправе отклонить ваше предложение. Он согласен продиктовать что-нибудь для фонографа в любое время, какое окажется наиболее удобным для ваших ассистентов, разумеется, в том случае, если он будет достаточно здоров.

В случае необходимости предварительной переписки (например, для того, чтобы избежать приезда ассистентов в случае болезни Л. Н. Толстого), письма следует адресовать ему лично, он же будет пересылать их мне для исполнения.

Уважающий вас В. Чертков

3. ТОМАС ГРАФ — ТОЛСТОМУ

EDISON-GESELLSCHAFT M. B. H.
EDISON-PHONOGRAPHER U GOLDGUSSWALZEN.
SUDUFER 24/25

Count Leo Tolstoy,
Jassnaja Poliana

Berlin № 39. December 14-th 1908

Dear Sir,

Mr. Edison has informed me that you have kindly consented to make a few records for him. The special apparatus, which he sent for that

purpose, has just arrived at my London address and the recording expert which will accompany me to Russia is awaiting my instructions in London. I shall leave for London to-night, and I should be very thankful, if you will let me know, when it will be most convenient for you to receive me. I should be very glad, if I could have the pleasure of calling at your residence before Christmas, so that my expert could return at an early date. As everything is prepared for our departure for Russia, we can leave at a minute's notice, and if you would kindly telegraph, we could reach Jasnaja Poljana within five days from receipt of the telegram.

The making of a record requires a few minutes only, so that the whole process would not require more than one hour of your time. The recording apparatus which Mr. Edison sent me, is extremely sensitive and the whole process therefor I feel will not require any exertion on your part.

Tranking you in advance for your reply I beg to be.

Yours very truly

Thomas Graf
General Manager

Address: Edison Works. Willesden Junction. London N. W.
Telegrams will reach me, if simply addressed: Randomly London.

Перевод

14 декабря 1908

Милостивый государь,

Г-н Эдисон сообщил мне, что вы любезно согласились для него на несколько фонографических сеансов. Специальный аппарат, который он высылает для этой цели, только-что прибыл ко мне в Лондон. Эксперт по сеансам, который должен сопровождать меня в Россию, ожидает моих инструкций в Лондоне. Я уезжаю из Лондона сегодня ночью и буду очень благодарен, если вы мне сообщите, когда вам будет всего удобнее меня принять. Я был бы очень рад быть у вас до рождества, чтобы эксперт мог вернуться домой несколько раньше. Так как все уже готово для нашего отъезда в Россию, мы можем выехать в любую минуту, и, если вы не откажетесь нам телеграфировать, мы будем в Ясной Поляне через пять дней.

Выполнение валика потребует всего несколько минут, весь же сеанс отнимет у вас не более часа. Аппарат, который мне присылает г. Эдисон, обладает исключительной чувствительностью, а потому, мне кажется, сеанс не потребует от вас никакого напряжения.

Заранее благодарю за ответ.

Уважающий вас Томас Граф,
главный управляющий

Чертков, по поручению Толстого, телеграфировал Графу, что он может приехать, когда ему будет удобнее, и советовал сначала остановиться в Туле, в ближайшем к Ясной Поляне городе, указав наилучшую в нем гостиницу — «Чернышевскую». Через несколько дней после этого Толстой получил из Лондона телеграмму: «Arrive December thirty first evening Tula Tschernischoff. Will call January first or later at your convenience» («Приеду тридцать первого декабря вечером Тула Чернышевская. Буду у вас первого или позже если вам удобнее»). Толстой с некоторым волнением ожидал гостей. До того он еще ни разу не говорил в фонограф и, с присущей ему скромностью, считал, что ему оказывается записыванием его голоса неподобающая честь. В день получения письма Графа он занес в свой дневник: «Хочу для фонографа приготовить настоящее, близкое сердцу» (дневник, 19 декабря 1908 г.).

Д-р Маковицкий записывает в своем дневнике 23 декабря 1908 г.: «...Приехали от Эдисона двое англичан с хорошим фонографом — записать и потом воспроизвести голос Льва Николаевича». 24 декабря 1908 г.: «Лев Николаевич волновался еще за несколько дней до приезда англичан; сегодня, прежде чем сказать в фонограф, упражнялся, особенно в английском тексте. На французский язык сам перевел и записал то, что хотел сказать. По-русски и по-французски хорошо наговорил, по-английски (из «Царства божия») нехорошо вышло, запинаясь на двух словах. Завтра будет говорить снова». 25 декабря 1908 г.: «Сегодня Лев Николаевич говорил в фонограф английский текст. Эдисоновские американцы были очень довольны приемом».

Толстой, интересуясь Эдисоном, расспрашивая о его жизни; когда через месяц зашла речь о вегетарианстве, он сказал: «Эдисон вегетарианцем 30 лет» (дневник Д. П. Маковицкого, 5 февраля 1909 г.).

9 марта 1909 г. Graf писал Черткову:

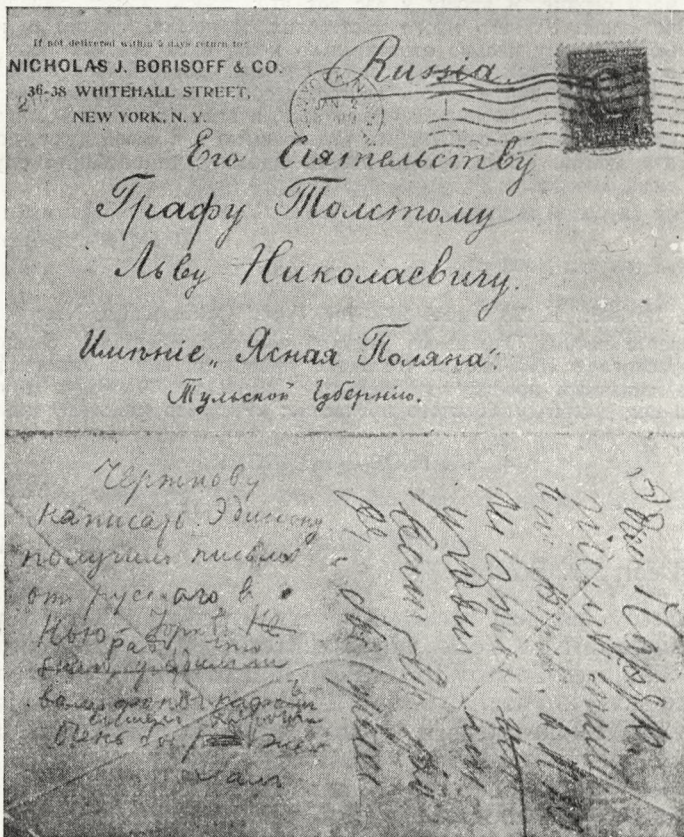
«Dear Mr. Tchertkoff,

I am pleased to advise you the records which Count Tolstoy had the kindness to make for us have arrived quite safely in America and have turned out entirely satisfactory».

Перевод:

«Дорогой г-н Чертков,

Имею удовольствие сообщить вам, что валики, которые были столь любезно исполнены для нас графом Толстым, прибыли в Америку в полной сохранности и оказались вполне удовлетворительными».

КОНВЕРТ ПИСЬМА П. Ф. ОХРЕМЕНКО

На обороте надпись рукой Толстого (см. стр. 336)

Частное собрание, Москва

Одновременно с этим извещением Толстой получил из Америки письмо, неожиданно продолжившее отношения Толстого с Эдисоном:

Великий Человек!

Лев Николаевич!

В тяжелую для меня минуту жизни обращаюсь к вам за помощью. В ноябре 1908 года я уехал в Америку. Попал в Нью-Йорк. Причин, побудивших меня ехать, было много. Первая из них та, что в конце ноября в Екатеринославе, где я жил четыре года, должен был быть суд о ж.-д. забастовке 1905 г., где я должен был быть в качестве подсудимого вместе с остальными 180-ю человеками. Может быть и плохо, что я бежал, но уж больно не хотелось даваться в руки палачам. Потом, если б меня и оправдали, то в будущем, т. е. в 1909, году мне идти в солдаты, а это значит, что

я, благодаря своей горячности, попал бы в положение моего товарища, служившего царю во Владивостоке, а теперь в сырой земле. И, наконец, ввиду того, что я еще молод, захотелось поехать по белу свету, увидеть, как живут люди и что такое свободная страна. И то, что я увидел в Америке за такое короткое время, уже могу судить, какая она «свободная» страна. Здесь полная свобода умирать с голоду.

По улицам мчатся автомобили, усыпанные бриллиантами, а рядом ходят голодные, оборванные, в том числе и я в ботинках без подошв. Работы, по случаю кризиса, никак не могу достать. Квартину мне дал один человек, в своей конторе кусок угла. По приезде (20 ноября) сюда я имел 9 долларов, но им скоро конец. Впереди передо мною ужас голодной смерти в чужом, противном мне городе. В голове днем и ночью роятся разные мысли, как выйти из такого положения. Сегодня, читая ваше «Воскресение», заграничного издания, я начал думать о вас и результаты моих дум — это письмо. Не оставьте меня в такой тяжелый для меня момент, и ваш образ, который я люблю с тех пор, как начал читать и понимать ваши произведения, до гроба запечатлется в моем сердце. Я прошу у вас вот что: здесь живет Эдисон, известный ученый-электротехник. У него много мастерских. Я читал, что вы с ним знакомы, прошу вас, напишите ему письмо относительно меня, и он возьмет меня работать, он русских очень любит. Я сам по профессии — слесарь. Дорогой Лев Николаевич! Если этого нельзя, то сделайте что-нибудь другое, чтобы я мог жить на свете. Хотя вам время дорого, но для вас это вопрос одного часа, и этим часом вы можете спасти мне жизнь, а я клянусь вам всем святым, что только имею я в своей душе, до конца моей жизни помогать людям. Когда будете писать Эдисону, то сообщите ему мой адрес, чтоб он мог меня вызвать.

Остаюсь с глубокой надеждой на вас любящий вас всеми моими мыслями и душой

Петр Охременко

19 декабря (ст. ст.) [1908 г.]

Mr. Borisoff. E. 23 Street 219, for Peter Ochremenko. New York.

На конверте письма Охременко Толстой написал: «Черткову Эдисону: получил» письмо от русского в Нью-Йорке. Не знаю, угодил ли вам в фонограф — очень бы желал, что означало просьбу к Черткову написать Эдисону. Тут же рукою Н. Н. Гусева под диктовку Толстого приписано: «Рад, что фонограф вышел хорошо».

4. ЧЕРТКОВ — ЭДИСОНУ

Yasenki

Toula Government, Russia
9-th/22-th March 1909

Dear Mr. Edison,

Leo Tolstoy has just received a very touching letter from a young Russian refugee in New York, who is suffering from the extremest destitution, and implores Tolstoy to mention him to you, he being a locksmith by trade. He says you are very kind to Russian workmen, and is persuaded that you will give him a trial if Tolstoy writes to you about him. He professes to have only one desire, honest work and the service of mankind. Tolstoy hopes you will not mind his fulfillign the refuest of this unknown youth and having done this feels he has done what he could and leaves the rest to your discretion. The name and address of the Russian in question is:

Peter Ochremenko. Care of Mr. Borisoff, E 23 Street 219, New-York.

Tolstoy was very glad to hear the records he dictated to your representatives turned out a success. Having assisted during the operation I may witness to the fact that solely out of regard to you he gave himself much pains in the matter, although at the time he was unwell and weak.

He sends you his cordial greetings and good wishes, apologising for not writing with his own hand, being also unwell at the present moment and in general experiencing great difficulty in writing English.

Allow me to repeat on this occasion the expression of my deepest regard.

Yours very sincerely

V. Tchertkoff

Перевод:

9 (22) марта 1909 г.

Дорогой г. Эдисон,

Лев Толстой только-что получил очень трогательное письмо от молодого русского эмигранта, который сильно нуждается и умоляет Толстого написать вам о нем. Он слесарь по профессии. Он говорит, что вы очень добры к русским рабочим, и уверен, что вы дадите ему работу, если Толстой напишет вам о нем. Он мечтает об одном: честно трудиться и служить людям. Толстой надеется, что вы не будете на него в претензии за то, что он исполняет просьбу этого неизвестного ему юноши, и, обращаясь к вам, считает, что сделал все, что мог, остальное же предоставляет на ваше благоусмотрение. Фамилия и адрес вышеуказанного русского следующие:

Peter Ochrenenko. Care of Mr. Borisoff E 23 Street 219, New York.

Толстой очень рад, что валики, в которые он диктовал при ваших представителях, удались. Как свидетель этих сеансов, я должен сказать, что только ради вас он превозмог слабость и нездоровье.

Он шлет вам сердечный привет и добрые пожелания и извиняется, что по нездоровью не пишет сам лично; кроме того, ему вообще не легко писать по-английски.

Позвольте мне выразить вам еще раз уверенность в моем глубоком уважении.

Искренно ваш В. Чертков

5. ДАЙЕР — ЧЕРТКОВУ

Orange N. Y. April 24, 1909

My dear Sir!

Your letter of the 22 nd ult, was duly received by. Mr Edison and referred to me with the request that I have it given immediate attention.

I am glad to inform you that the young Russian to whom you refer, Peter Ochrenenko, is at present employed in a small way and is able to contribute something towards the support of his parents in Russia. It is very probable that this position is not permanent, and I have left word that we will try to look out for him here in case he has to look for a new position. I am sure that Mr. Edison will be glad to do all that he can to oblige Leo Tolstoy, for whom he has a very high admiration.

Believe me,

yours very truly,

Frank L. Dyer

Mr. V. Tchertkoff

Yasenki, Toulva Government

Russia

Перевод:

24 апреля 1909

Милостивый государи!

Ваше письмо от 22 марта было получено Эдисоном своевременно и отослано им мне, с тем, чтобы я, не медля, исполнил вашу просьбу. Рад сообщить, что молодой русский, Петр Охременко, о котором вы пишете, сейчас уже имеет некоторую работу и может даже оказывать небольшую поддержку своим родителям в России. Возможно, что место его не постоянное, и я обещал ему, что мы будем иметь его в виду, если он захочет переменить свое положение.

Я уверен, что г. Эдисон будет рад сделать все возможное для Л. Толстого, которого он ценит чрезвычайно высоко.

Уважающий вас

Франк Дайер

П. Ф. Охременко в своих воспоминаниях «Как помогал Толстой» рассказывает:

«Прошло четыре месяца. За это время я уже успел кое-что в английском языке и мог добывать себе пропитание. Работал у кровельщика крыш, в мастерской дамских платьев, наконец, в мастерской, изготовлявшей электрические принадлежности. Последняя работа была особенно тяжелой. Изю дня в день я стоял у большого барабана, в котором находился песок и работали специальные вертящиеся крылья, которые поднимали в барабане ужасную песочную пыль. В отверстие в стенке барабана я протягивал руку с какой-нибудь бронзовой вещицей для драгоценных люстр и ламп и держал ее известное время, пока, под действием песка, на ней не получался особый налет-глянец, после чего я передавал ее мастеру для дальнейшей обработки.

От стояния у барабана,—несмотря на то, что он весь был окутан материей, мой нос был завязан тряпкой, а на глазах были специальные очки,—у меня кружилась голова, слезились глаза, а из носа сочилась кровь.

Но час избавления уже был близок. Однажды, в конце апреля, когда я пришел с работы в свою каморку, где жил теперь один (мой друг поступил в лавку к мяснику в Бруклине), ко мне зашел секретарь, служивший в конторе, и сообщил, что во время моего отсутствия приходил один из ассистентов Эдисона, расспрашивал обо мне и обещал написать письмо.

На следующий день я не пошел на работу, сидел дома и ожидал утренней почты. В числе других писем, полученных в тот день конторой, одно было для меня. Это было письмо от фирмы Томаса Эдисона. Меня приглашали явиться в назначенный час в известное место.

Когда я пошел туда, мне, при посредстве переводчика, сообщили, что я получаю место на граммофонной фабрике Эдисона в West Orange, New Jersey. Это небольшой городок верстах в 20 от Нью-Йорка, где находится и резиденция Эдисона. Здесь я прожил 2 года в полном довольстве и счастье. Год работал на фабрике, а потом в качестве помощника садовника.

Это счастье дал мне дорогой Лев Николаевич, который своим письмом к Эдисону вырвал меня из пасти страшной нужды и унижения и дал мне возможность честным трудом добывать насущный кусок хлеба. Я писал Льву Николаевичу, благодарил его за оказанную помощь и выражал надежду, что когда-нибудь лично увижу его и поблагодарю». («Толстой. Памятники творчества и жизни», вып. II, М., 1920, стр. 110—112.)